

ГЛАВА VIII

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ШТРИХИ ГИБЕЛИ ГОРОДА

История гибели урартских городов и исчезновения Ванского царства с исторической арены не ясна во многих отношениях. По некоторым отрывочным данным мы знаем лишь о том, что во второй половине VII в. до н. э. Ванское царство переживает глубокий кризис, поддерживает вассальные отношения с доживавшей свой век Ассирией, кое-как отбивается от внешних и внутренних врагов, на престоле урартском кратковременно появляется и исчезает несколько царей¹. Одним из последних правителей Урарту был Руса III, сын Эримены, оставивший строительные надписи в Аргиштихинили и Эребуни, а также votивные строчки на мелких изделиях крепости Топрах-кале. Эти данные свидетельствуют о том, что в конце VII в. до н. э. основное территориальное ядро Урарту, вместе с Аргиштихинили и другими городами Араратской равнины, находилось под властью Русы III.

Именно в эти годы в Передней Азии особенно активизировался могучий союз мидо-вавилонских и скифских предводителей, покоровших вскоре Ассирию и разделивших ее между собой (605 г. до н. э.). Настал черед Ванского царства, покорение которого теми же скифо-мидийскими войсками было обусловлено обеспечением тыла мидийских войск в войне против Лидии. Ванское царство пало под ударами скифо-мидийских войск около 590 г. до н. э., до начала войны против Лидии². Вражеские войска прошли всю территорию Урарту огнем и мечом; погибли благоустроенные и цветущие его города. В числе городов Араратской равнины—житницы Урарту, погибших в пламени дикого вражеского штурма, оказался и город Аргиштихинили, просуществовавший около 200 лет.

¹ «Урарту при последних царях» см. *Н. В. Арутюнян*, Бнаинили, Ереван, 1970, стр. 328—336.

² См. *И. М. Дьяконов*, Последние годы Урартского государства по ассирийско-вавилонским источникам, стр. 31—38.

В ходе раскопочных работ на территории Аргиштихинили были зафиксированы незначительные следы ужасной катастрофы, дополнявшие лаконичные данные письменных источников конкретным осязательным содержанием. Захватив и уничтожив в огне северо-западные неогорожденные кварталы Аргиштихинили, пробив оборонительную стену внутреннего города в этом направлении, вражеские войска осадили западную крепость, сконцентрировав штурмовые отряды на участке северных ворот, сравнительно легко доступных и незащищенных к моменту штурма, имевших довольно удобные подступы для подхода войск и разрушительной техники. Они сожгли бедняцкие лачуги на северных террасах крепости, от сильного жара горевших сосновых бревен почернели, потрескались базальтовые кладки стен и контрфорсов крепости, ошлаковались и рухнули сырцовые кладки, глина пола приобрела характерную красную окраску, весьма типичную и для горелых слоев цитадели Тейшебаини.

Авангард штурмовиков оказался вскоре в кармане северных ворот, под ураганной перекрестной стрельбой защитников цитадели, засевших на площадках стен. Стрелы их с тяжелыми листовидными наконечниками летели вниз, под большим углом вонзались в землю острием или загибались и ломались, попадая в базальтовую кладку ворот. Они принадлежали к типу, изготавливавшемуся в кузнечной мастерской Аргиштихинили до конца его дней, к типу, хорошо известному по находкам в Тушпе и Тейшебаини. В цитадели Тейшебаини они найдены в колчанах с надписями урартских царей или же вместе с бронзовыми стрелами, также снабженными надписями. Именно в таком состоянии было обнаружено здесь около двух десятков стрел описанного урартского типа на уровне пола и пара вражеских стрел, на несколько более высоком горизонте.

Ныне весьма трудно судить о масштабах

и длительности боя у ворот, о количестве участников, погибших с обеих сторон, и о многих других деталях, поскольку этот участок с некоторых пор (IX в. н. э.) был приспособлен под средневековое жилье и безвозвратно утратил неповторимые эпизоды жаркого боя.

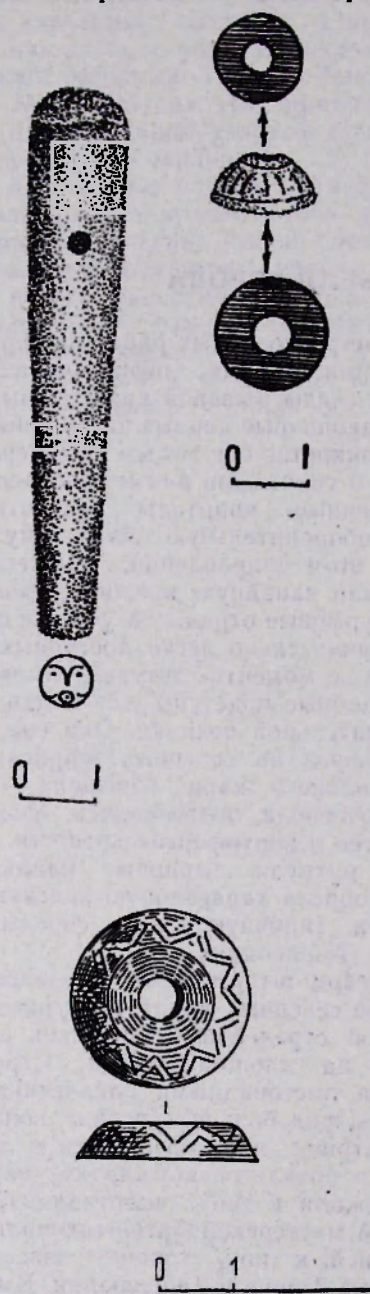

Рис. 106. Тонкие изделия из кости.

Однако, как видно, здесь у ворот завязался ночной бой и немногочисленной охране крепости в основном удалось уйти. Вражеские стрелы, обнаруженные в верхних горизонтах ворот, принадлежали к известным типам так

называемых скифских двуперых и трехгранных бронзовых наконечников, которые в свое время были найдены у стен Ашшура и Вавилона³, Тейшебаини⁴ и многих других городов Древнего Востока, павших именно под ударами скифо-мидийских и вавилонских войск. Эти стрелы датируются концом VII—первой четвертью VI в. до н. э. и в своей хронологии совпадают со временем гибели древневосточной цивилизации (рис. 108).

Несмотря на сопротивление охраны, штурмовики ворвались в западную крепость именно через северные ворота и попали через двор в дворцовое здание Аргишти, занимавшее восточную половину крепости. Направление их движения прослеживается находками двуперых и трехгранных бронзовых стрел, оказавшихся в полукрытом коридоре и одном из тупиковых, крайне восточных помещений указанного здания, а также перед восточным парадным входом крепости—в доме металлурга. Здесь враги охотились за беззащитными женщинами и детьми. В упомянутом тупиковом помещении дворца (№ 19) были найдены трупы женщины и девочки. Женщина лежала на спине с приподнятыми к черепу руками, фалангами пальцев перед лицом и с бронзовой стрелой у поясицы, на руках и ногах у нее сохранились проволочные простые браслеты с зарубками, у шейных позвонков—несколько бусин и раковин карури (табл. LX). В некотором отдалении, к востоку был обнаружен раздавленный карас среднего размера и в нем оказался скелет девочки лет двенадцати с подогнутыми под собою руками и ногами (табл. LXI). По-видимому, она надеялась спастись в карасе, согнулась в нем на коленях и локтях, также прикрывая лицо ладонями. В доме кузнеца-бронзолитейщика обнаружены части скелета годовалого ребенка, забытого, вероятно, родителями в ужасе паники.

По мере развития штурма усиливался и пожар, горела вся крепость и особенно сильно—казарменные одиночные помещения, расположенные рядом зерновые склады и другие хозяйственные сооружения. От сильного жара почернели, потрескались двух-трехметровые цокольные кладки зерновых амбаров, вместе с балками перекрытия рухнули и верхние части кирпичных стен, которые ошлаковались, превратились в уголь от большой температуры. Обуглилось и чистое зерно, оказавшееся под бревнами и кирпичами. Эту картину посетитель может увидеть и сейчас. Зарево пожара, охватившее среди ночи сосновые

³ R. Koldewey, Das wieder erstehende Babylon. II aufl., Leipzig, 1913, стр. 275.

⁴ Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, I, стр. 86, рис. 55.

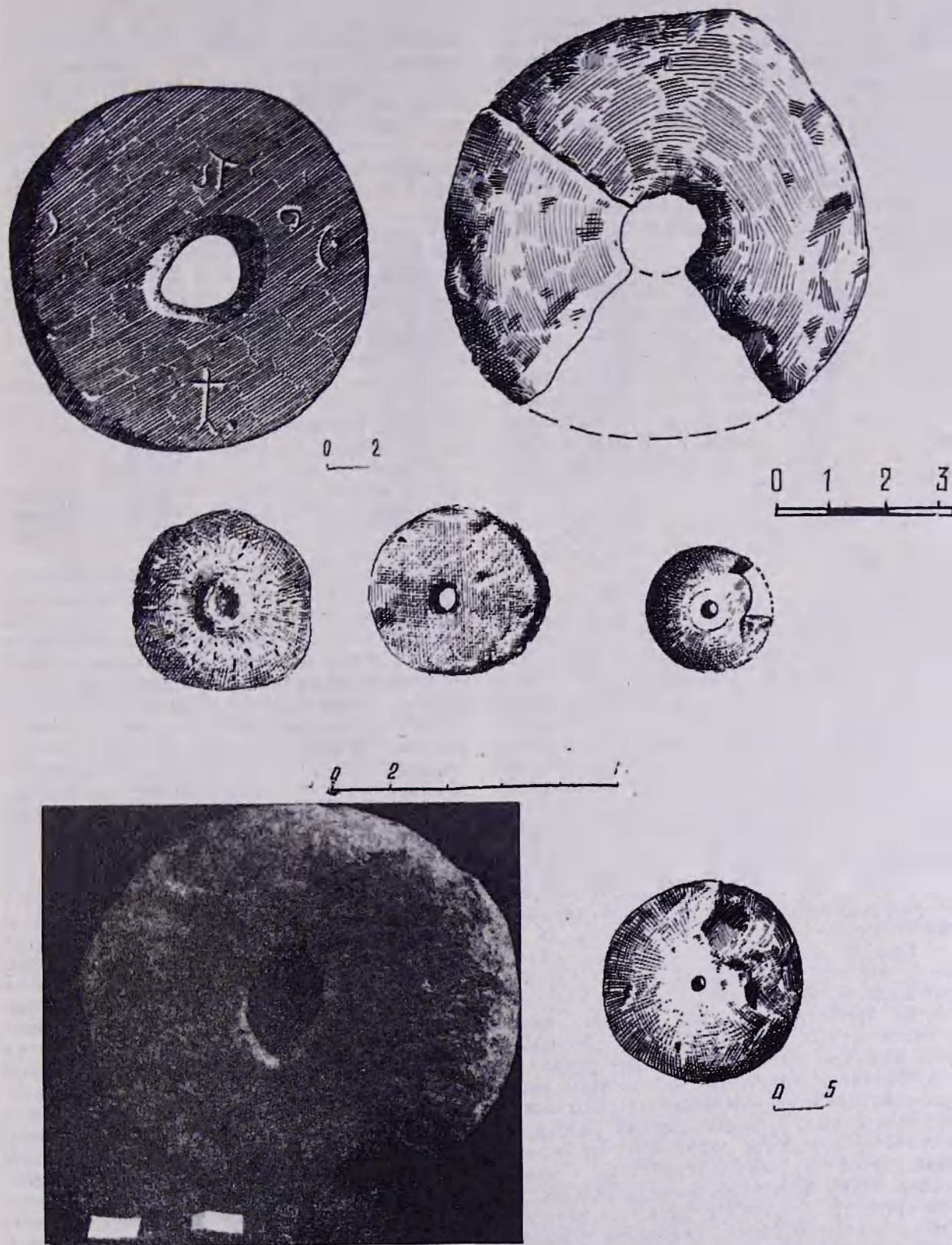

Рис. 107. Каменные грузила и костяные головки пряслиц.

бревна перекрытия, освещало, вероятно, всю Арагатскую равнину, наводя ужас вокруг.

Лишь после взятия западной крепости скифо-мидийские отряды могли оказаться в центральной части внутреннего города. Многие дома богатых кварталов внутреннего города были ограблены и разрушены, другие горели в пламени огня. Сильные следы пожара были зафиксированы в домах кузнеца, держателя печати, гончара, каменщиков, врачевателя. В последнем оказался даже скелет погибшей женщины—под горевшими бревнами и завалом камней. Однако, судя по исследованным участкам, на территории внутреннего города не было почти никакого сопротивления. Население города наспех покидало свои благоустроенные дома, захватив с собой некоторые запасы продовольствия. Конечно, были и зеваки, и любители ночной трапезы. В помещении № 5, во дворе крепости, был найден железный акинак, вонзенный в землю острием, лоскутки кожи, угольки древесины и прутьев, являвшиеся, быть может, остатками боевого щита. Вероятно, это оружие было брошено воином, схваченным врасплох.

В кухонном помещении дома гончара, у очага был оставлен сосудик с куриным бульоном—кто-то не успел поужинать, в лачуге северной террасы кто-то спрятал голубя под чашечкой (от нее сохранились косточки и перья), кто-то в дверном проеме дома № 6 уронил горшок и не успел поднять его. Такая картина была зафиксирована и в жилых домах города Тейшебаини. Следует отметить, что многие моменты гибели городов Тейшебаини и Аргиштихинили вполне совпадают. Это относится и к типам боевого оружия, примененного при штурме и обороне и к приступу крепостей, и занятию малоукрепленных ворот, и ночной панике, и последовательности боевых действий на различных участках города. Все это объясняется, по-видимому, определенной разработанной тактикой как нападавшей, так и оборонявшейся сторон.

При раскопках города Тейшебаини часть населения жилых кварталов города укрылась под защитой мощных стен цитадели. При взятии же Аргиштихинили, как увидели выше, в числе первых пали западная крепость и довольно надежно укрепленный внутренний город. Захватом этих сильно укрепленных опорных участков скифо-мидийские отряды могли обеспечить тыл, беспрепятственно разрушать и грабить городские кварталы вне ограды укрепленной внутренней территории и готовить штурм восточной, более труднодоступной крепости. Поэтому естественно полагать, что население городских кварталов бежало в сторону восточной крепости, чтобы найти защиту за мощными ее стенами.

Однако, как показывают некоторые де-

тали раскопок, и эта крепость не выдержала натиска врага. У ее внешних стен обнаружены скифского типа стрелы. Однако, вероятно, и здесь не было серьезного сопротивления из-за отсутствия большого гарнизона и маломощности сторожевой охраны. Это может быть объяснено тем, что основные военные силы государства были стянуты в центральные районы, в Тушпинский оазис, ради обороны столицы, выдержавшей в свое время натиск грозных ассирийских царей. Естественно полагать, что из-за слабого сопротивления восточная крепость Аргиштихинили в основном уцелела и потому была использована впоследствии под резиденцию вассального княжества Ервандидов, боровшихся вместе с мидо-скифами и вавилонянами против Ассирии и Урарту. Тем не менее и восточная крепость города пала в штурме и в пламени пожара. Следы пожара наблюдались на террасах мелких хижин, в караспых кладовых западного отсека и в ряде других пунктов. Поэтому при раскопках города Аргиштихинили были сделаны весьма любопытные наблюдения, проливающие свет на время года, когда могла произойти эта катастрофа.

В зерновых амбарах западной крепости и в хозяйственных ямах жилых домов, кроме повсеместных остатков незначительных запасов зерновых, обнаружены большие скопления обгоревших злаков пшеницы и ячменя, отличавшихся абсолютной чистотой, отсутствием долгоносиков и других вредителей, которые обычно сопровождают старые запасы урожая. В ряде других пунктов, вместе со злаками пшеницы и ячменя, обнаружены комки ржи, проса, гороха и конских бобов. Время созревания и уборки всех этих культур в Арагатской низменности падает на июль-август. Горожане успели собрать новый урожай, следовательно, катастрофа города произошла не ранее конца августа. Более того, в домах Аргиштихинили найдены еще и обломки пальчиков виноградных лоз, прутья алычи и кизила, а также целая груша скороспелого дикого сорта панта. Все они появляются в районе Аргиштихинили в конце августа—начале сентября. Груша была брошена на пол помещения непосредственно до вторжения врага и не была поднята. Эта находка более всего соответствует времени гибели города.

С подобной хронологической фиксацией хорошо увязываются также наблюдения над остатками целого ряда животных, содержащихся в городских домах в канун штурма врага. Это бобр, слепец, еж, барсук, дрофа и сазан, ловля и охота которых производится обычно в летнее и осеннее время. По данным С. К. Межлумян, ежи, бурсуки, черепахи проводят зиму в спячке и пробуждаются в

марте—начале апреля, сазаны находятся на дне водоема в ожидании до весны, безоаровые козлы ложатся на отдых до весны, бобры редко выходят из убежищ зимою. Здесь особенно важно отметить, что дрофа не наблюдается в Армении как летная птица, появляется в Араратской низменности с сентября, тогда и становится объектом охоты. Наиболее точно указывают время гибели города остатки волчонка и лисенка, которые рождаются в марте и апреле. Оба они в возрасте до шести

сентября, что предполагает наличие в то время на территории Араратской равнины довольно мощной наступательной армии врага. Несомненно, гибель этих городов и ряда военно-опорных пунктов и поселений представляла собою цепную, молниеносную реакцию.

Города Араратской равнины были последним оплотом урартской власти. С падением их навсегда исчезло с лица земли Ванское царство.

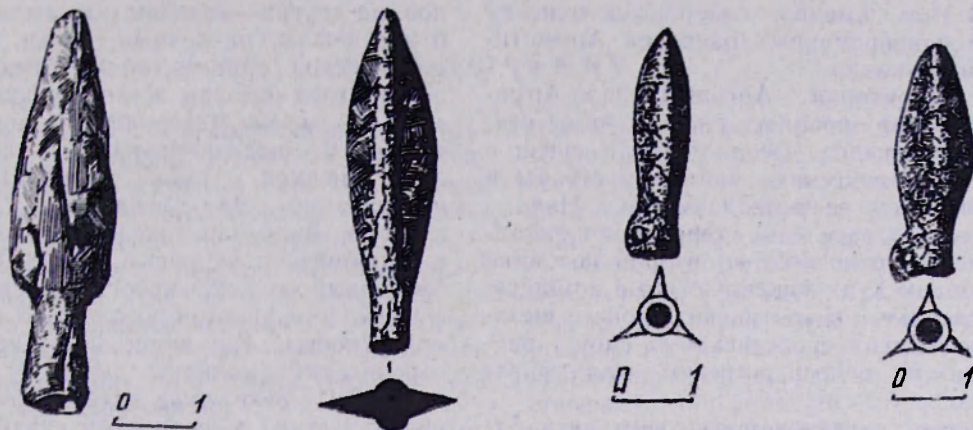

Рис. 108. Скифские наконечники стрел.

месяцев по наличию молочных зубов. У первого уже происходит смена молочных постоянными, следовательно, уже немногим более шести месяцев, у второго—лисенок палило лишь молочные. Эти данные соответствуют периоду уборки винограда, кизила, алычи, груши, указывают на конец августа и сентябрь. Они не оставляют никакого сомнения, что гибель города имела место именно в это время. Приведенные наблюдения подтверждают аналогичным рядом фактов, установленных в свое время при раскопках города Тейшебаини. Приводим эти данные дословно: В одной из хижины Тейшебаини «...около очага лежал пучок травы, среди которого А. Л. Тахтаджяном были определены: головки сорняков из сложноцветных *Acroptilon pleris*, стручки крестоцветного *Encladium syriacum* и колосок овсяницы (*Festuca sulca*), которые созревают во второй половине августа»⁵. Целый ряд остатков других плодов, известных из построек Тейшебаини, указывает на начало сентября.

При сопоставлении приведенных выше данных по Тейшебаини и Аргиштихинили нетрудно заметить, что между ними имеется определенная хронологическая связь и что военные действия под стенами этих городов, а также связанного с ними города Эребуни, развернулись в пределах конца августа—

После упразднения Урарту, при мидянах и Ахеменидах (с 560 гг.) фактическими хозяевами Араратской равнины стали предводители армянских войск, принимавших активное участие в боевых операциях скифо-мидийских войск, находившихся в тесном содружестве сначала с мидянами, затем с Ахеменидами и создавших самостоятельную династию (с 316 года до н. э.). В период воцарения Ервандидов большая часть Аргиштихинили лежала в развалинах. Жизнь возобновилась лишь на восточном его стыке, где возник исторический Армавир, резиденция Ервандидов, с кипучей жизнью и вековыми хитроумными интригами высшей армянской знати в стенах дворцов Армавира, сохранившихся даже при Аршакидах. Часть территории Аргиштихинили, к западу от новой резиденции Армавира, была занята жилыми кварталами сохранившихся и реконструированных (частично) урартских домов, в которых появилось новое население. Остатки подобных смешанных урарто-армянских кварталов были нами зафиксированы на юго-восточном участке внешнего города Аргиштихинили, к северо-востоку от восточной крепости, в пределах селения Бамбакашат этот новый город занимал незначительную площадь (150—200 га) по сравнению с Аргиштихинили и был, конечно, сравнительно маломощным. Некрополи (быть может, уже фамильные) этого города занимали значительное пространство. Они были зафиксиро-

⁵ Б. Б. Пиотровский, ук. соч., стр. 24.

ваны еще во времена Уварова непосредственно западнее восточноармавирского холма и во время наших работ вплоть до центрального квартала внутреннего города Аргиштихинили. Об этом шла речь в первых главах настоящей работы.

Мы уже убедились, что выявленные вновь материалы неизвестных раннеармянских памятников генетически связаны с урартской культурой и это больше всего бросается в глаза при раскопках Аргиштихинили-Армавира. В этом именно содержится одно из значений одновременных раскопок Аргиштихинили и Армавира.

На территории Аргиштихинили-Армавира жизнь возобновилась вновь в эпоху становления развитого феодализма, в связи с мощным экономическим подъемом страны и восстановлением ее независимости. Начало средневекового заселения территории западной крепости относится ко второй половине IX и к началу X в., фиксируемого с помощью многочисленных византийских монет, выявленных в нижних средневековых слоях, распростершихся непосредственно над урартскими.

Находясь на древнем торговом пути Атропатены и между крупнейшими центрами Армении—Двином и Ани, это поселение играло, по-видимому, далеко не второстепенную роль в караванной торговле и посреднической связи. Вероятно, этим можно объяснить наличие в последовательных слоях IX—XI и XII—XIII вв. многочисленных византийских и сельджукских монет (византийские теодоры 1055—1056 гг, ильдегизидские XII—XIII вв., Абу-Бекир 1191—1221?, определение нумизмата Х. А. Мушегяна), перстневых печатей, случайной находки бронзовой печати с именем некоего Мухаммада Башира Ибн Аджи Гу-

сайна (Хасан), сотни разнообразных стеклянных браслетов, ряда образцов художественной глазурованной керамики, характерной для Ани, Двина, Оран-калы и других центров Востока. На некоторых художественно оформленных сосудах выгравированы чудесные антропоморфные, зооморфные, растительные мотивы и геометрические орнаменты общевосточного стиля. На некоторых сосудах выведены пояски с талантливо выполненным изображением каравана двугорбых верблюдов, на других—палспом и штампом выведены птица, козлы, различные диски, пояски геометрической орнаментации. Армянское население этого поселка оставило, кроме множества предметов материального производства, также и немногочисленные свидетельства своих писем, а также отличия своего вероисповедания. Это имена двух жильцов на глазурованной чашечке и базе от колонны с клинообразной надписью Аргишти I, а также бронзовый большой крест и крестный камень с гроздьями винограда, с сильно закопченной поверхностью. Как видно, перед камнем долго горели свечи, молились люди.

В XIII веке ужас катастрофы вновь повис над этим поселением в связи с монгольским нашествием. Вновь на участке бывших ворот и на других участках некогда мощной урартской крепости, по уже на верхнем горизонте, оказались скелеты погибших в битве воинов. Один из них имел на черепе длинную пробоину, лежал в вытянутом положении, на спине, рядом с большой железной секирой, очень характерной для восточных типов этого оружия XII—XIV вв. до н. э.

Со времен первых монгольских нашествий жизнь угасла на этом средневековом поселении и не возобновлялась до наших дней.